

УДК 340.12
ББК 67.3

«НАРОДНАЯ МОНАРХИЯ» КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ Ю. Ф. САМАРИНА

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена анализу концепции «народной монархии» — ядра политико-правовой доктрины Ю. Ф. Самарина. Раскрывается его органическое понимание государства, где легитимность неограниченной власти монарха основана на духовно-нравственном единстве с народом, скрепленном православием и национальным сознанием. Показано, как этот идеал формировался в полемике с ключевыми конкурентами XIX века: западным абсолютизмом, николаевской бюрократией и конституционализмом, который Самарин отвергал как «организованное недоверие», противопоставляя ему идею «истинной свободы» на основе доверия. В контексте критики уваровской «официальной народности» рассматривается учение о «симфонии властей» и роль земского самоуправления как альтернативы общенациональному представительству. В заключении выявлены внутренние противоречия доктрины: ее зависимость от утопичного идеала тотального доверия, несовместимость с реалиями многонациональной империи и неготовность к вызовам ускоренной модернизации. Тем не менее наследие Самарина представляет собой системную попытку построить модель легитимности, альтернативную западному рационализму.

Ключевые слова: «Народная монархия», Ю. Ф. Самарин, славянофильство, органическое государство, симфония властей.

“PEOPLE'S MONARCHY” AS THE STATE IDEAL OF YU. F. SAMARIN

E. S. Besedina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the analysis of the concept of “people's monarchy” — the core of the political and legal doctrine of Yu. F. Samarin. His organic understanding of the state is revealed, where the legitimacy of the unlimited power of the monarch is based on spiritual and moral unity with the people, cemented by Orthodoxy and national consciousness. It is shown how this ideal was formed in a polemic with key competitors of the 19th century: Western absolutism, the Nicolaean bureaucracy, and constitutionalism, which Samarin rejected as “organized distrust,” contrasting it with the idea of “true freedom” based on trust. In the context of criticism of Uvarov's “official nationality,” the doctrine of the “symphony of authorities” and the role of zemstvo self-government as an alternative to national representation are considered. In conclusion, the internal contradictions of the doctrine are revealed: its dependence on the utopian ideal of total trust, incompatibility with the realities of a multinational empire, and unpreparedness for the challenges of accelerated modernization. Nevertheless, Samarin's legacy represents a systematic attempt to build a model of legitimacy that is an alternative to Western rationalism.

Keywords: “People's monarchy”, Yu. F. Samarin, Slavophilism, organic state, symphony of authorities.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)1.3](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.3)

Государственно-политическое наследие Юрия Федоровича Самарина, несмотря на его важную роль в славянофильском движении, до сих пор мало изучено. Между тем именно Самарин, уникальным образом сочетавший философскую глубину славянофильства и многолетний опыт практической государственной службы и участия в осуществлении реформ, смог перевести теоре-

тические постулаты течения в область конкретных политических преобразований. Ядром политических взглядов является концепция «народной монархии», представляющая собой законченный государственный идеал, альтернативный основным политическим проектам XIX века. В современную эпоху, отмеченную поиском внутренних культурно-исторических ориентиров государственного развития, обращение к этому органическому идеалу, основанному на духовном единстве власти и нации, представляется особенно значимым.

В основе государственной теории Самарина лежит органическое понимание государственной власти. Государство для него — не искусственная ассоциация, созданная по рационалистическому общественному договору, а живой организм, естественно вырастающий из народной жизни. Отсюда вытекает ключевой тезис самаринской доктрины — легитимность неограниченной власти монарха основана не на формальном законе или общественном договоре, а на духовно-нравственном единстве с народом, скрепленном православной верой и национальным сознанием. В этой формуле кратко и заключается вся суть «народной монархии». На первый взгляд, как верно отмечает О. В. Груздева, сочетание «народная монархия» кажется оксюмороном, то есть совмещением несовместимого [1, с. 34]. Однако этот термин четко обозначает понимание Ю. Ф. Самариным органической легитимности власти. Русский народ видит в государе не отчужденного правителя, а «православного и русского человека от головы и до ног» [2, с. 168], в котором воплощена общая воля и судьба нации. Власть царя — это власть, не отъемлемая от народа, подобно как воля не отделима от живого тела. Прочность такой власти зиждется на доверии и убежденности в «единстве ее интересов и интересов Русской земли, в невозможности отделить первые от вторых» [3, с. 328]. Такое органическое, а не договорное понимание власти Самарин исторически обосновывает в своей ранней работе «Князь и вече». Славянофил подчеркивал, что «присутствие Варягов... так сказать запечатлело ее, дало ей внешний образ» [4, с. 101], но сама идея государства зародилась в народной жизни. В отличие от Запада на Руси не было завоеваний, а значит, не было противопоставленных друг другу групп населения, а «значит не могло быть и революций, и конституций» [5, с. 54]. Анализируя древнерусский быт, он показывал, что власть князя основывалась не на завоевании или юридическом договоре, а на нравственном признании и взаимном служении «земле». Князь обладал всей полнотой личной власти, однако он был подотчетен вече не по закону, а по совести. И даже в Новгороде, где существовали «грамоты» с условиями призвания князя, приоритетный характер носило реальное признание правителя всеми представителями общины [6, с. 18]. Этот тип отношений, где легитимность проистекает из глубинного доверия и общего дела, служил для Самарина историческим прообразом и подтверждением возможности идеала «народной монархии».

Такой идеал был возможен лишь при условии глубокого национального и религиозного единства власти и народа. Самарин отвергал модели, сводящие власть к голой силе (подобной власти Чингисхана), поскольку в таком случае нельзя говорить о верности народа, это лишь вынужденное подчинение. К абстрактной законности власть сводить также нельзя, так как «законная власть может быть употреблена и направлена так же, как и всякая другая... как орудие угнетения» [2, с. 159], а значит, такая власть не является гарантией справедливости. Не может быть власть сведена и к утилитарному «страховому учреждению», обслуживающему лишь материальные интересы (как правительство Луи-Филиппа), поскольку такая власть, лишенная национального характера, не способна, по его мнению, мобилизовать народ для жертв и подвигов. Во всех этих случаях власть, лишенная национального характера, «лишает себя возможности располагать теми силами, какие почерпает народ в любви к родной земле, в сочувствии к своим одноплеменникам» [2, с. 155]. В связи с этим подлинная сила власти и ее легитимность заключается в органической связи с народом, скрепленной общей верой и судьбой. Поэтому государство не может быть «нейтральным» в вопросах веры и народности. К такому выводу Самарин приходит во многом через горький опыт службы в Западных губерниях (Остзейском крае и Украине). Там он воочию наблюдал, как власть, стремясь к абстрактному «порядку» и опираясь на инородное дворянство, на деле потворствовала подавлению православия, ущемлению русских интересов, что, очевидно, подрывало самую основу общественной жизни. Таким образом, православие и русская национальность выступали самой сущностью «народной монархии».

Стоит, однако, отметить: принципиально важно, что в «народной монархии» православие мыслилось не внешним атрибутом, как в доктрине официальной народности С. С. Уварова, которой

противопоставляли себя славянофилы, а живой, действительной силой, созидающей национальное единство. Живой же и свободной вера может быть там, где Церковь сохраняет свою духовную независимость. «Духовная независимость сама по себе; между первой и второю [т. е. независимостью духовной и мирской] ничего нет общего... вторая не может служить ручательством за первую; напротив, призванная в подкрепление... она сгубила бы ее» [7, с. 531]. Именно поэтому Самарин был последовательным критиком петровской синодальной системы, превратившей Церковь в «казенное ведомство» и лишившей ее пророческого голоса. Потеряв эту живую духовную основу, государство вынуждено опираться на голую силу и бюрократический аппарат. В противовес этому он отстаивал идеал «симфонии властей» — не слияние, а гармоничное взаимодействие двух самостоятельных сфер, где Церковь, свободная от государственной опеки, становится подлинным духовным фундаментом, а государство, уважая ее автономию, получает прочную нравственную основу. Только такая свободная Церковь могла, по мысли Самарина, стать живой душой «народной монархии».

Вместе с тем этот идеал государства не был универсальной схемой. Напротив, он исходит из ключевого органического принципа: «Земля создает государство, а не государство Землю» [4, с. 103]. Он был убежден, что «доискаться единой, всесовершенной и безусловно применимой формы правления [есть] такое же заблуждение в области политики, какое заблуждение в области политической экономии — стремление к изобретению неприлежного мерил ценности» [2, с. 153]. Поэтому «народная монархия» мыслилась как единственно верное, естественное выражение исторического духа России, органически выросшее из собственной почвы. Эту мысль Самарин демонстрирует историческими примерами зарубежных стран: «Английская конституция как нельзя лучше облекает весь организм Англии именно потому что она не с чужого плеча на нее наброшена, её построена», а в США «трудно... бы было отыскать признаки стремления к монархической форме» [2, с. 153]. Именно из этого убеждения в уникальности национального пути проистекает и острая критика чуждых навязанных моделей.

Рассматривая последовательно эти модели, следует начать с западноевропейского абсолютизма. На формальном уровне сходство с идеалом Самарина очевидно: и та, и другая модель предполагает неорганическую власть монарха. Однако существенные различия для мыслителя были фундаментальными. Абсолютизм возник, по его убеждению, как результат насильственной централизации и подавления местных общин, став «продуктом рационалистической мысли» и «бездушной машиной власти», главной целью которой было внешнее могущество и бюрократическая эффективность. Русское самодержавие мыслилось как органическое «естественное выражение народной жизни», где власть монарха основана на духовной связи с народом и взаимном доверии. И хотя в «народной монархии» правитель не ограничен формальным законом или деятельностью представительного органа, монарх не злоупотребляет своей властью, поскольку он сдержан самими основами народной жизни — православной верою, национальным сознанием и нравственными идеалами. Абсолютизм — искусственная конструкция, выросшая из вражды; народная монархия — живой союз, вырастающий из добровольного самоотречения личности в пользу целого. Поэтому Самарин настаивал, что «русское самодержавие в общественном сознании не должно смешиваться с деспотизмом, отжившим свой век на Западе» [8, с. 198].

Непосредственным и наиболее болезненным для Самарина проявлением этой чуждой, механической логики на русской почве была современная ему бюрократическая система николаевского образца. Опираясь на свой опыт государственной службы, он видел в ней прямое следствие и извращение абсолютистских принципов. Бюрократия представляла собой «тиранию рассудка» [8, с. 309], систему, где живое дело служения подменялось формальной отчетностью, а чиновник превращался в бездушного исполнителя. Этот аппарат создал ситуацию, когда «правительство и народ так давно разошлись друг с другом, что теперь они как будто раззнакомились» [9, с. 189]. Как отмечает О. В. Груздева, Самарин видел корень этой проблемы в появлении «лишних людей» — сословии посредника, которое отделяло власть и народ друг от друга. Если разросшийся бюрократический аппарат на Западе необходим был для внешнего могущества, то в России это привело к глубокому разрыву между государством и народом, превратив власть в отчужденную надстройку [1, с. 35]. Именно эту роль и выполняла бюрократическая система: будучи всецело зависимой от государства, она паразитировала на его связи с нацией, подменяя живое служение формальным отправлением должности.

Резко негативно Самарин относился и к конституционализму. Формированию этой позиции во многом способствовал его практический опыт службы в Остзейском крае, где он воочию наблюдал, как формальные конституционные гарантии и местное самоуправление, дарованное немецкому дворянству, стали механизмом закрепления сословных привилегий и системных угнетений православного населения. Этот опыт привел его к убеждению, что конституционные модели не обеспечивают свободу, а лишь закрепляют господство одной узкой группы населения.

Для Ю. Ф. Самарина конституция была «организованным недоверием», искусственным инструментом, разрушающим органическое единство власти и народа и заменившим его формальным договором. Такое соглашение неминуемо делит единый организм нации на противоборствующие части с официально закрепленными интересами. Подлинного народного представительства при этом возникнуть не могло, так как в современных реалиях могло сложиться только господство образованного меньшинства — дворянства и бюрократии, — оторванного от народной почвы и преследующего свои узкосословные цели. «Народ не желает конституции, — утверждал Самарин, — так как верит в «добрые намерения самодержавного царя» и не доверяет другим сословиям» [10, с. 328]. Он считал, что конституционализм, будучи чуждым историческому опыту России, на практике может привести лишь к бюрократизации и централизации, народной же конституции сформироваться в условиях отрыва образованного общества от народа сформироваться не может.

Во многом в основе критики конституционализма лежит идея о существовании двух типов свобод. Для Самарина конституционализм предлагал свободу формальную — то есть ограниченную и регламентированную буквой закона, «свободу-в-рамках», которая легко вырождалась в произвол отдельной группы. Истинная же, «внутренняя» свобода русского человека заключалась в возможности добровольного, нравственного подчинения власти, которую он же сам и признает. Это свобода основана не на гарантиях против власти, а на вере в ее праведность. Конституция, таким образом, не расширяла, а убивала эту глубинную, органическую свободу.

Эта же логика имела прямое продолжение и в отношении к идее общерусского представительства, вопрос о котором актуализировался в годы перед эпохой Великих реформ. Ю. Ф. Самарин, в отличие от некоторых других славянофилов (например, К. С. Аксаков), выступавших за созыв Земского собора, считал такой путь ошибочным. Для него «земства не местного, а общерусского быть не может; общерусское представительство делается естественно государственным представительством» [11, с. 227]. Иными словами, любой общенациональный орган неминуемо превращался бы в орган власти, ограничивающий монарха, что разрушило бы принцип органического единства. Подлинное же представительство народных нужд, по его убеждению, должно было осуществляться не «наверху» в политической сфере, а «внизу» — через всеобщее земское самоуправление. Земство мыслилось им не как еще один властный орган, а как «правильно организованная сила общественного мнения», живой канал связи между «землей» и царем [12, с. 7]. Строгое разграничение сфер позволяло бы народу реализовать заложенные в нем склонности к самоорганизации, не посягая на единство и полноту верховной власти.

Из этого жесткого разграничения сфер логично вытекает и конкретный, ограниченный набор функций, которые Самарин отводил государству. Он иронично замечал, что «Спаситель и апостолы создали церковь... но они не создавали государственных форм и не писали конституций» [10, с. 325]. Функция государства не в том, как перестраивать жизнь по абстрактным лекалам, а в том, чтобы быть юридическим и силовым выражением единства всей земли. Из этой ключевой функции вытекают и две другие: во-первых, роль верховного арбитра в сословных и социальных конфликтах (как например, в ходе крестьянской реформы, когда государство должно было ограничить крестьян от произвола помещиков); во-вторых, защита сложившегося общинного уклада от внешних угроз.

Таким образом, теория «народной монархии» Юрия Фёдоровича Самарина представляет собой наиболее системное и политически ориентированное выражение славянофильского государственного идеала. Основываясь на идеях органической историософии славянофильства, он предлагает систему, в которой неограниченная власть монарха получает легитимность не из формальной законности или общественного договора, а из живого духовно-нравственного единства с народом, скрепленного православной верой и народным сознанием.

Однако несмотря на всю глубину и аргументацию, невозможно не обратить внимания на внутренние противоречия, пронизывающие эту теорию. Вся конструкция «народной монархии» зиждется на тотальном, безусловном доверии между народом и монахом. Парадоксальным образом сам Ю. Ф. Самарин в своей роли трезвого критика современной власти это доверие последовательно подрывает. Его беспощадный анализ николаевской бюрократической системы и петровских реформ констатирует крах того самого идеала, который он стремится обосновать. Не предлагает концепция Самарина и ответа на вопрос, что же делать, если нравственные качества монарха оставляют желать лучшего.

Не менее фундаментальные противоречия проистекают из несоответствия национального характера самаринского идеала многонациональной и поликонфессиональной реальности Российской империи. Ю. Ф. Самарин, сталкиваясь с этим противоречием на практике, предлагал не политико-правую модель интеграции, а стратегию по сути ассимиляции и подчинения инородных элементов русскому началу. Таким образом, органический идеал, призванный преодолеть формализм и отчуждение, на имперской почве рисковал обернуться инструментом жесткой унификации, подавляющей иную органику — жизнь иных народов империи.

Еще одной уязвимостью органической теории является ее неготовность к вызовам модернизации. Призыв Самарина к «благоразумной осторожности» и вере в то, что подлинные формы жизни разовьются сами в свой срок, вступала в противоречие с императивами эпохи (как, например, необходимость отмены крепостного права) и напрямую угрожала безопасности и стабильности империи, о чем сам же Самарин неоднократно заявлял. Более поздняя история развития нашего государства также проиллюстрировала, что в условиях системного кризиса или внешнего давления у государства может не быть времени на ожидание органического созревания «здоровых начал».

Несмотря, однако, на эти уязвимости, политико-правовое наследие Ю. Ф. Самарина сохраняет значительную теоретическую ценность. Оно представляет собой уникальную попытку построить модель легитимности, альтернативную как западному рационалистическому конституционализму, так и бюрократическому абсолютизму, выводящую силу власти из духовного консенсуса нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Груздева О. В. Идея «народной монархии» в работах Ю. Ф. Самарина // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2008. № 1. С. 34–42.
2. Самарин Ю. Ф. На чем основана и чем определяется верховная власть в России? // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 152–169.
3. Самарин Ю. Ф. Письма М. П. Погодину. 1841–1871 // Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Русское самосознание. СПб. : Росток, 2016. С. 315–334.
4. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 85–152.
5. Самарин Ю. Ф. О двух началах нашей народности, православии и самодержавии // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 49–58.
6. Самарин Ю. Ф. Вече и Князь // Собрание сочинений в пяти томах. Том 3. Русское самосознание. СПб. : Росток, 2016. С. 7–22.
7. Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России. Ответ иезуиту отцу Мартынову. Письмо третьему // Собрание сочинений в пяти томах. Том 2. Церковь и общество. СПб. : Росток, 2014. С. 522–537.
8. Самарин Ю. Ф. По поводу книги «L'ancien regime et la revolution par Alexis de Tocqueville» // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 309–310.
9. Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 177–200.
10. Самарин Ю. Ф. По поводу толков о конституции // Собрание сочинений в пяти томах. Том 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 325–330.
11. Самарин Ю. Ф. Письмо к И. С. Аксакову // Ю. Ф. Самарин 1840–1876 Статьи. Воспоминания. Письма. М. : ТЕРРА-TERRA, 1997. С. 227.
12. Самарин Ю. Ф. О проекте земских хозяйственных учреждений. 1-е изд. М. : тип. Бахметева, 1863. 70 с.